

С Людмилой Вязмитиновой лично я увиделась впервые летом 2019-го года, благодаря Александру Карпенко. Мне повезло с ним познакомиться в самом начале августа на поэтическом вечере «Дни Балтии в Москве», и он как-то очень быстро и ловко показал мне, на каких околопоэтических мероприятиях столицы стоит побывать, а какие менее интересны. Я доверилась ему, и вскоре мы оказались в помещении «Нового Мира» на книжной презентации Марии Ватутиной («Смотровая площадка», издательство «Стеклограф»). В какой-то момент фуршета и неформального общения я вдруг увидела совершенно обыденно идущую прямо на меня Людмилу Вязмитинову, хорошо знакомую мне по её сетевым проявлениям – к тому моменту я уже несколько лет читала её статьи и следила по видео на Ютубе за проектом Бориса Кутенкова «Полёт Разборов», где тонкие и точные замечания Людмилы становились одним из самых интересных составляющих поэтического шоу. Я была настолько поражена её появлением, что тут же подскочила к ней, и, не раздумывая, представилась как-то вроде: «Я – Ирина Чуднова, живу в Пекине, очень люблю ваши статьи и выступления на Ютубе, очень рада вас увидеть!» – выпалила, и поняла, что выгляжу довольно глупо, ну, вот да, и что? Но Людмила как-то сразу сбросила озабоченность, в которой пребывала, разулыбалась, и тут же пригласила меня на свои мероприятия в Трифоновку и пообещала книгу «Тексты в периодике: 1998-2015». Я ещё не знала, насколько это невероятная книга – целая летопись-энциклопедия русского литпроцесса в нулевые-десятые. И сейчас даже не представляю, что можно интересоваться современной

поэзией и не знать этой книги. Я ещё не знала, насколько это целый мир – то, к чему она имела отношение как организатор и культуртрегер.

Та улыбка Людмилы на ступеньках «Нового Мира», её моментальная включённость в собеседника, полное отсутствие каких бы то ни было заносчивости, снобизма и собственной важности, удивительное человеческое тепло к собеседнику оказались моментом истины – с той минуты мы общались уже как близкие люди до самой её такой неожиданной, невозможной смерти.

Общались в Москве, в Трифоновке (библиотека имени Трифонова), где у Людмилы были мероприятия под эгидой клуба «Личный взгляд», куда я как-то сразу влилась, и продолжала уже виртуальное участие, после возвращения в Пекин, когда весной 20-го года коронавирус усадил всех на карантины и удалёнку. Общались мы и в Баку, куда вместе поехали в начале октября 19-го на фестиваль ЛиФФТ, часто встречались той осенью на разных московских мероприятиях. Людмила могла побывать за вечер на двух, а то и трёх, выбирая самые ключевые моменты, чтобы потом написать об этом, ударив в самую точку точным выводом. Она часто садилась в уголке на задних рядах и почти, а то и взаправду, засыпала, если мероприятие провисало, но моментально включалась и брала слово в самые безошибочно точные моменты.

Её интересовал не просто литпроцесс как бурление околпоэтических вод, её жгуче занимало, что же будет завтра, куда всё движется, какое будущее вызревает в настоящем. Когда началась пандемия, она приостановила поэтические сборники, что были на тот момент в работе, и первой выпустила сборник стихов и карантинных заметок «Хроники и-zoom-лённого времени», куда попали стихи многих авторов клуба «Личный взгляд», прочитанные во время еженедельных чтений той весны. Очень гордилась, что эта книга стала экспонатом музея самоизоляции, и очень надеялась сделать второй сборник – «Вразумлённые временем», который должен был уже не столько фиксировать картины жизни во время пандемии, но прояснить тенденции будущего, тот самый личный взгляд поэта, который она считала взглядом пророка. Её слова, повторяемые по всякому поводу – «Поэзия всегда принимает первой удар на себя. Поэзия обращена в будущее». И вот эту обращённость поэта в то, что ещё не произошло, а только вызревает, она и ловила. Будучи поэтом, была практически лишена какой бы то ни было зависти или ревности к коллегам по цеху, но остро переживала свою малую востребованность как стихотворца, по сравнению с востребованностью как публициста. Поэт и критик уживались в ней удивительно – совершенно интровертированный поэт и полностью, абсолютно экстравертированный, направленный на других, критик. На своих мероприятиях она никогда не доминировала как автор,

иногда её даже надо было просить что-то прочесть, а без этого могла и пропустить свою очередь, предоставляя возможность высказаться другим.

Напишу про один из поэтических вечеров, который оказался особенно памятным – это творческий вечер поэта Александра Мельника в начале сентября 2019-го, кажется, шестого числа. А. Мельник был в Москве проездом, буквально на один-два дня, и вот именно Людмила помогла ему организовать встречу авторов и друзей «Эмигрантской лиры» у себя в Трифоновке. Когда Фейсбук мне предлагает те фото в воспоминаниях, я всегда вижу в центре этого вечера Людмилу, которая руководит этим всем, как бы и вовсе не руководя, – всё просто вращается само собой под её приглядом.

В том же 19-м году, в середине октября, за полночь на кухне у Людмилы мы записали интервью для сайта «Поэмбук». Людмила в те дни судила осенний Кубок, и разговор вращался вокруг событий конкурса, но сказанное ею тогда: «Задача критика – вписать автора и произведение в общелитературный контекст», а также «нет никакого другого критерия настоящего шедевра, только метко сказанное слово», я запомнила сразу. Мы так разговорились на видео, что она в продолжении интервью, уже за кадром, начала вспоминать стихи Всеволода Зельченко, очень сокрушаясь, что нет его новых книг, что он перестал писать. Это было в характере Людмилы – любить поэзию, любить поэтов, ощущать разрозненное и разношёрстное сообщество пишущих как одну семью, как свою семью.

В Москве мы обсуждали возможность организации фестиваля русской поэзии в Китае, это моя большая мечта и точка приложения сил, и Людмила дала мне множество дельных советов, предостерегла от ошибок, подсказала, как и что стоит предпринять. Если мне удастся реализовать этот проект, там обязательно будут мероприятия памяти Л. Вязмитиновой.

Пандемия ограничила возможность приехать, но толкнула организаторов перенести хотя бы частично в онлайн текущие мероприятия. Туда же с марта 20-го перебрался, вслед за клубными чтениями, и семинар (или мастер-класс, мастерская) «Личный взгляд», который был педагогическим проектом Вязмитиновой. Людмила терпеть не могла интернет-общение, но именно она одной из первых освоила zoom, и стала проводить мастер-классы в формате зум-конференций, а потом, когда стало возможным встречаться в реале, начала делать комбинированные онлайн-оффлайн-встречи, фестивальные чтения и занятия.

Практически ни одно занятие мастерской в 20-м году не обходилось без её ворчания на тему стремительной онлайнизации всего и вся, что люди, ленись выходить в реал, наносят себе колоссальный

вред. И хотя она прекрасно осознавала опасность заражения, несмотря на это, ей было необходимо видеться с людьми вживую и смотреть в живые глаза, а не только в окошки зума. Но мастерская, тем не менее, работала во всех доступных ей форматах. Мастерская имела подзаголовок: «для тех, кто пишет или хочет начать писать». Эти занятия, примерно один раз в две-три недели, очень расширяли кругозор. К ним необходимо было готовиться. Людмила давала материалы – свои и чужие статьи, произведения для чтения, иногда приглашала на занятия кого-то из известных персон. Несколько раз она просила меня написать в «Независимую газету» о занятиях мастерской.

Мы часто перезванивались. Это началось сразу после моего возвращения в Китай осенью 19-го года и продолжалось практически до её попадания в больницу, откуда она так и не вышла. Я до сих пор, бывает, смотрю в ватсапп, где написано «Людмила Вязмитинова был(а) в сети 6-го июля в 23:06» (по пекинскому времени), и не могу поверить, что она больше не появится. Последняя реплика от неё – «где ты пропала? срочно выходи на связь!» – особенность китайского интернета, необходимость подключать vpn, делала звонки с той стороны затруднительными. Я перезванивала. Но и сама звонила. Так, однажды звонила ей с какого-то поэтического мероприятия на Хайнани, под впечатлением, делилась идеями, как и что стоит организовать. А она совершенно серьёзно просила меня подумать о возможности занятий по изучению китайского языка – «ведь когда-то же всё это закончится, и можно будет ехать и устраивать фестиваль! И вот как без языка-то?». Дорогая Людмила, я всё помню, это невозможно забыть!

Фестиваль «Поэзия со знаком плюс», который в 19-м году был совершенно традиционным, как и многие подобные мероприятия, с двухдневными чтениями в Трифоновке, за единственным исключением – Людмила его предваряла и заканчивала по своему обыкновению круглыми столами с обсуждениями, в пандемийном 20-м году перебрался в сеть. Но не выродился в суррогат, а, напротив, начал активно опираться на новые формы, которые сеть предоставляет. В рамках фестиваля было несколько круглых столов с обсуждениями работ участников. Эти разговоры я до сих пор нет-нет, да пересмотрю – так много там полезного для тех, кто задумывается о поэзии. Так много там самой Людмилы. Она делала потрясающие презентации с разговорами по существу книги. Презентация по-вязмитиновски – это всегда встреча с людьми, которые умеют слушать, читать, понимать, говорить. Слушать и слышать друг друга.

Она помогала делать книги, разбирала стихи тех, кто занимался в мастерской. Многие благодарны ей за то, что она открыла автора в пишущем человеке. У неё был особенный способ разбора стихов. Стихотворение расчёркивалось тремя цветами – зелёным (удачные

хорошие места), фиолетовым (ошибки, неловкие, неточные употребления слов); красным подчёркивались неблагозвучия. Самым прекрасным было, если всё стихотворение выделялось зелёным – очень удачный текст. Если оставалось чёрным — она соглашалась с авторской позицией. Но если в пометках было много фиолетового или красного, значит будет долгий разбор каждой ошибки. Автор мог не соглашаться, она безоговорочно признавала ответственность пишущего перед своими читателями, перед Богом. Она вообще всегда шла от личности автора, угадывала, что же в нём особенного, помогала раскрыться. Да, мастером она была весьма авторитарным, доминировала на своих занятиях абсолютно. Но я любила эти занятия! Обводила взглядом обстановку комнаты, а мысль уже ушла куда-то к горнему, вслед за её словами. Её выбор тем и персон всегда был ориентирован на то, как именно расширить кругозор автора, как привести его к самому себе.

Сама Людмила была глубоко верующим человеком. Её стихи, её взгляд – взгляд православного воцерковлённого поэта, но поэта, глубоко укоренённого в мировую культуру, прежде всего, в русскую.

Мне памятен разговор по скайпу в ноябре 19-го, когда она по секрету сказала мне, что я попала в лауреаты премии 12, которую она судила. И что судьей оказалось тоже 12, и поэтому было предложено, чтобы каждый вручил приз какому-то «своему» автору. И она сказала, я выбираю Чуднову. Дорогое личное воспоминание, как напутствие.

Расскажу ещё о двух её проектах. Первый – круглый стол по трансгуманизму. Она так волновалась, организуя этот разговор. Он проходил по уже обкатанному сценарию – те, кто смог прийти, были в аудитории, а иногородние участвовали по зуму. Людмиле удалось собрать уникальный по разнообразию и широте охвата состав спикеров. Запись этого круглого стола есть в сети, найдите, не пожалеете. Было, может быть, не вполне так, как задумано, но то, что этот разговор ещё будут пересматривать и вспоминать – несомненно. По его итогам она собиралась осенью делать ещё один, и, увы, больше никогда. Ещё раз подчеркну – Людмилу ничто так живо не интересовало, как будущее. Ей было важно, что же именно, какой гул времени улавливает поэзия, что этот гул предвещает и означает? Жить она в этом будущем не желала, но понимать его было её живейшим интересом, её жизненной необходимостью.

Последний проект, в который она звала меня, и который я надеюсь, будет реализован – это картографирование ландшафта современного литпроцесса. Всех-всех его углов и закоулочков, всех персон и авторов, всех тенденций, которые они привносят. Наши последние разговоры были об этом. Людмила очень расстраивалась, когда видела какие-то местечковые конфликты, растаскивание общего поля по частным лавочкам. Все её проекты были всегда для всех. Она

одинаково радовалась талантливому новичку и именитому автору, с удовольствием знакомила людей и соединяла между собой. Проекты её рождались из жизни, и поэтому они так верно притягивали к себе множество людей. Когда она позвала меня в союз Московских литераторов, я пошла не в союз как таковой, а за Вязмитиновой, чтобы приобщиться и к этой её деятельности. Как же много она успевала!

Как же много она хотела сделать и не успела!

Я пересматриваю записи на Ютубе с Людмилой Вязмитиновой, и от звука её голоса наворачиваются слёзы. «Где ты пропала? Срочно выходи на связь!» – покойся с миром, дорогая Людмила, я с тобой навсегда говорю...

* * *

на смерть Людмилы Вязмитиновой

я с тобой навсегда говорю –
слышу голос
и горлом стучится
непрестанное горькое – птица –
спица памяти
долгое лю...
долговязое нежное вяз
и смятенное в митенках время
прояснится словесная пена
на сомкнутых устах

было белое бремя стены
будет дождь
и жара в клочьях дыма
приходи
приходи
приходи

расставание невосполнимо

14.07.2021г. г. Пекин, Лунцзэ